

Раушан БАЙГУЖАЕВА

СЕРЕБРЯНЫЙ БРАСЛЕТ

Повесть

Окончание. Начало в № 6, 2025.

В детской двойняшки прыгали с кровати, кто дальше прыгнет. Айнаш лежала на другой кровати и читала книгу. Иногда она говорила детям:

– Ну хватит, чего распрыгались! Сейчас у меня голова разболится.

Двойняшки затихали, стыдя друг друга:

– Сказал же, не прыгай громко.

– Я тихо прыгаю, это ты громко прыгаешь!

В гостиную вошли Алмат и Алтын. Девушка начала перебирать пластинки, которые стопкой лежали на подоконнике. Она выбрала старую толстую пластинку и подала Алмату:

– Вот, «Амурские волнь».

– Ух ты, духовой оркестр! Ладно, годится, – сказал парень, взял пластинку, провел по ней ладонью и положил на проигрыватель. Сквозь шуршание полились звуки старинного вальса. Он повернулся к Алтын и взял её одной рукой за талию. Она положила ему левую руку на плечо, а правая уютно легла в ладонь вытянутой левой руки Алмата. Они начали делать первые па.

– Раз-два-три, раз-два-три, – командовал он. – Не напрягайся. Так, выпрямись. Смотри мне в глаза!

– А это еще зачем? – усмехнулась она.

– Это непременно условие любого парного танца. Без этого не получится слияния.

– Какого слияния?

Он остановился.

– Понимаешь, когда партнеры танцуют слаженно и смотрят друг в друга в глаза, они как будто становятся одним целым и куда-то взлетают. Это и есть то счастье, о котором я говорил, помнишь? Ты видела когда-нибудь, как танцует Рафаэль Кордова?

– Да. По телевизору.

– Помнишь, какие у них с партнершей лица?

– Помню. Какие-то неистовые, страстные.

– У них счастливые лица. Испанские танцы, конечно, отдельная тема. Но вальс, по-моему, танец не хуже.

Он вдруг притянул её к себе и спросил:

– Ну как, хочешь быть счастливой?

Она посмотрела ему в глаза, и губы её едва слышно шепнули:

– Хочу...

Алмат снова включил пластинку. Они опять закружились, сначала медленно, потом всё стремительней.

– Подчиняйся мне, – заклинал он ее полупшепотом, – я вожу, а не ты. Смотри мне в глаза.

Они кружились, не замечая ничего, только видя и чувствуя друг друга, и еще – то маленькое пространство, что отведено им было для танца...

Длинный стол из гостиной перекочевал во двор. Гости в том же порядке сидели за ним. Не было только Салтанат и Алмата. На столе стояли два боль-

ших блюда с бесбармаком. Голова барана лежала на тарелке перед Саураном. Он ковырялся в ней ножом. Гости уже изрядно выпили.

– Ешьте! Саке, Кайсар, берите, берите, пока не остыло! Пейте сорпу! – хлопотал Байназар.

– Вы молодые еще, зубы целые, грызите кости, – сказала Лятипа.

Гости рассмеялись.

– А что тут смешного? Меня в ваши годы, бывало, от костей не оттащишь.

– Да ты, апа, и сейчас зубастая, – сказал Кайсар под общий одобрительный смех. – Ага, – поднял он заметно помутневшие глаза на Байназара. – Сядь, не суетись. Спой нам лучше что-нибудь. Сауран, он поет лучше всякого артиста, послушай сам. Ага, ну-ка спой!

– Просим! Просим! – захлопала в ладоши раскрасневшаяся Жибек и едва не опрокинула свою рюмку с коньяком.

Байназар, смущенно улыбаясь, обронил жене:

– Домбру принеси.

Рымкеш метнулась к дому:

– Эй, Алтын! Алтын, принеси домбру!

– Я принесу! – вызвался Тельман, отложил вилку и неуверенными шагами пошел к крыльцу.

Алтын и Алмат уже кружились под другую музыку, – казахский вальс «Кайдасың?» («Где ты?»). Чарующий, не знающий себе равных голос Розы Баглановой волнами разливался из комнаты.

Тельман тихо приоткрыл дверь и застыл, пожирая глазами танцующих. Но они не замечали его. Сзади подошла Айнаш с домброй и тронула аспиранта за плечо. Он вздрогнул, будто его уличили в чём-то постыдном.

Тельман принес домбру и подал её Байназару. Тот принялся настраивать её.

– Ты видела последний концерт Доскеева? – спросила Бану у Жибек. – Ужас, так растолстел.

– Последний? Ты путаешь, дорогая, он там как раз похудевший. В это время жена от него ушла, помнишь?

Бану выпучила глаза:

– Не спорь ради бога! Жена от него ушла намного раньше!

Жибек усмехнулась:

– Смотри о какой жене идет речь.

– А что, у него было две жены?

Тут Бану поймала уничтожающий взгляд мужа и замолчала.

Байназар прочистил горло и, подыгрывая себе на домбре, запел негромким приятным голосом народную песню «Екі жирен» («Два рыжих коня»). С него постепенно слетело не покидавшее его всё время выражение растерянности и заботы. Он словно отодвинулся от своих гостей и воспарил над ними. А эти важные люди, перед которыми он целый день бегал, как мальчишка, боясь оплошать, тоже почувствовали и увидели перемену, происшедшую в нем. И каждый из них поразился в душе, будто не веря, что этот простодушный до чудачества человек мог вдруг стать таким значительным и красивым.

Во время кочевья коней по степи погоняя.

Под вечер к тебе захаживал я, бывало.

Когда вспоминаю тебя, ах, моя дорогая,

Тревожусь я и в тоске по тебе пребываю.

Лятипа откинулась на спинку стула, сложив на коленях тяжелые, натруженные руки. Рымкеш тоже замерла, собирая со стола невидимые крошки.

Байназар кончил петь, и все зааплодировали.

Кайсар закричал пьяным голосом:

– Ага, душа моя, спой еще! Спой «Жиырма бес»!

Сауран тихо посмеивался:

– Ну-ну, Каке, дай ему отдышаться.

– Талант! – восторженно объявила Жибек и обратилась к Лятипте: – Апа, а почему вы его в консерваторию не послали?

– Куда это? – не поняла старуха.

Но Жибек уже повернулась к Бану:

– Моя Лейлочка меня всё больше удивляет. Недавно заявила: купите домбру, хочу научиться. Я говорю: зачем тебе это? А она: кто-то же должен в семье продолжать традиции народа. Представляешь?

Бану, не слушая её, допила большую пиалу сорпы, вытерла салфеткой рот и вдруг скривилась, хватаясь за живот:

– Ой, не могу, всё такое жирное, печень болит!

– Это желудок, дорогая, он же не резиновый! – блеснула очками Жибек.

Байназар меж тем запел песню «Жиырма бес». Кайсар весь подался вперед, волосы его разлетелись в разные стороны, он подпер рукой щеку и впился глазами в дядю. А над столом, всё выше уносясь в ночь, неслась песня, прекрасная песня о прошедшей юности, о безвозвратно канувших в реку времени двадцати пяти годах. Сколько глубокой грусти было в напеве, сколько страсти в словах старой песни!

*Не плачет сердце без печали, без недуга,
Друзья не могут обмануть друг друга.
Сон наступит, – даже камень станет мягким,
Для настоящей любви красота – не подруга.*

*Ах-ах, бранный мир,
Двадцать пять, однажды уйдя,
Не вернутся к тебе никогда.*

...На село опустилась ночь. То вдалеке, то совсем рядом слышался лай собак, но он не мешал людям, в течение дня занятым сельскими хлопотами, отходить ко сну. Дом Байназара, весь день ходивший ходуном, тоже утих и погрузился в сон. Алмат во дворе мыл машину, Алтын в глубине двора постирывала салфетки. На крыльцо тихо вышел Тельман и, крадучись, подошел к девушке сзади. Он обнял её, она ахнула и обернулась. Не давая ей опомниться, Тельман впился ей в губы. Алтын начала вырываться, отталкивать его. Волосы её растрепались, глаза были полны ужаса. Кое-как освободившись, девушка вlepила ему пощечину.

Тельман схватил её за руки:

– Ну чего ты, золотце? Не ломайся, давай поставим тебе пробу...

Алтын задохнулась от отвращения и с силой оттолкнула его:

– Пошел вон!

Тельман снова стиснул ей плечи, уткнулся губами в шею.

Вдруг сзади на него обрушился удар, от которого он полетел наземь. Перед растрепанной Алтын стоял Алмат с перекошенным от ярости лицом. Алтын начала поправлять платье, волосы. Руки её дрожали. Тельман медленно поднялся. Алмат снова ударил его. Тот едва удержался на ногах.

– Не надо, хватит! – Алтын бросилась к Алмату. – Ты же видишь, он пьяный. Алмат легонько отставил её в сторону.

– А мне плевать. Он и трезвый скотина.

Алтын схватила его за руки, умоляюще посмотрела в глаза:

– Тем более. Не связывайся с ним, прошу тебя!

Аспирант наблюдал за ними. По лицу его блуждала кривая ухмылка. Он подошел к ведру с водой, погрузил туда голову, высунул её и, отряхиваясь, как собака, пошел прочь.

Алмат едва сдерживался, глаза его сверкали, на скулах вспухли желваки. Алтын по-прежнему крепко сжимала его руки. Алмат повернулся к ней. Глаза парня были безумны от ярости, презрения, ревности. Они стояли так и смотрели друг на друга. Постепенно его глаза успокоились. Он мягко освободил свои руки и пошел к машине.

Алтын постояла с минуту отрешенно, потом брезгливо передернула плечами. Тут взгляд её упал на ведро с водой, в котором плескался Тельман. Она подскочила и опрокинула его, вода, булькая, потекла по двору.

В просторной веранде у стены стояла высокая старомодная кровать. На ней лежала Лятипа, укрытая толстым шерстяным одеялом. Сюда они с Алтын переселились временно, освободив свою комнату гостям. Лунный свет, падавший из окна, освещал худое сморщенное лицо старухи со впавшим беззубым ртом и нависшим над ним мясистым носом. Время от времени она вздыхала и приговаривала свое извечное старушечье:

– О, Аллах, храни от напастей. Будь благословенна твоя воля.

Развесив салфетки, Алтын подошла к умывальнику и начала умываться. Намылив руки, она долго мыла лицо, шею. Потом тщательно ополоснулась. Подошел Алмат, спросил:

– Устала?

Алтын кивнула:

– Очень. Еле на ногах стою.

Она вытерлась полотенцем, освободила волосы от заколки, и они рассыпались по плечам.

– Пойдем, посидим в машине? – предложил парень.

Алтын посмотрела на блестящую чистой машиной, подошла к ней, провела пальцем по металлической надписи «Latvia». Алмат открыл дверцу, помог ей подняться. Сам сел рядом, за руль. Вытащил сигарету, чиркнул спичкой.

– Не кури, пожалуйста, – попросила она.

Алмат затушил спичку, отложил сигарету.

– Ты давно знаешь дядю Кайсара? – спросила Алтын.

Он кивнул:

– Как стал работать в Минавтодоре. Мой шеф, замминистра, его кореш.

– И часто он пользуется твоей машиной?

– Кайсар, что ли? Бывает.

Помолчали.

– Слушай, – оживился Алмат, – а что это за гроб, про который сегодня Салта лягнула? Ну, насчет Саурана?

– А-а, – Алтын усмехнулась, – старая история. Я тогда студенткой была. Сауран такой рвач, каких мало. Замучил студентов домогательствами. Зачет – плати, экзамен – вдвойне. И на даче они у него пашут. А кто отказывается – держись, заклюет. Вот однажды скинулись несколько студентов и послали ему гроб на день рождения. Желудок чуть инфаркт не хватил, а ему хоть бы что, только еще больше расшвырялся.

Алмат покачал головой, потянулся было за сигаретой, но вовремя спохватился. Однако Алтын ничего не заметила.

– Вот смотрю я на таких, как Сауран, и думаю: неужели так всё будет продолжаться? И до каких пор? Неужели они всегда будут вершить судьбы людей? Сауран что – так, пешка. А сколько их там, наверху, – она подняла палец, – пострашнее, куда Саурану до них...

– А Кайсар? Ты что, не включаешь его в «черный список»? Или родственные чувства не позволяют?

– Дядя Кайсар? Нет, он другой, – Алтын вдруг тепло улыбнулась. – И родственные чувства тут ни при чём. Я хорошо помню его молодым. Он студентом приезжал к нам, любил с нами играть. Посадит на крышу вон того сарая и говорит: «Теперь сами прыгайте». Ну, сидишь там и ноешь. А он вдруг придет, снимет да еще по двору на спине покатает.

– Блестящая адвокатская речь! Поздравляю.

Алтын вспыхнула:

– Да не собиралась я его защищать! Просто хотела сказать, что натура у него другая, не волчья, понимаешь?

Алмат неопределенно пожал плечами:

– Понимаю. Но не забывай: с волками жить – по-волчьи выть.

Алтын огорченно вздохнула:

– К сожалению, это так.

Он тронул её за плечо:

– Ладно, не расстраивайся, – и добавил: – С женой ему не повезло, вот что. Я бы такую бабу и дня не вынес.

– Ну конечно! Куда ей до твоей Лисички!

Алмат резко повернулся к девушке.

– Извини, не знаю, как вырвалось, – виновато проговорила она. – Лучше мне пойти спать. – Алтын сделала движение к двери.

Алмат взял её за руку и умоляюще посмотрел в глаза:

– Не уходи! Посиди еще. Или ложись спать в машине, я накрою тебя пледом. И посижу рядом.

От его слов она развеселилась. И вдруг смиростивилась:

– Знаешь что? Если очень хочешь, кури!

– На полном серьезе? – обрадовался Алмат. – Очень хочу!

Они засмеялись и, как нашкодившие дети, зашикали друг на друга. Он закурил, сладко затянулся.

– Ты много куришь, – сказала она мягко.

Он кивнул:

– Много. Не могу бросить, сколько ни пытался, не получается.

Помолчали, думая каждый о своем. Алтын вдруг повернулась к нему.

– Знаешь, я никогда не думала, что мне будет интересно с простым шофером. Дело в том, что я жутко умная и начитанная, – она скользнула по парню взглядом. Он слушал её без тени улыбки. – А случилось это, наверное, потому, что очень хотелось взять реванш за необразованных родителей. Ну вот. Видно, отсюда у меня завышенные требования к мужчинам. Если мужчина не умеет поддерживать беседу в подобающем русле, всё, он для меня не существует.

Алмат хотел было возразить, но она подняла руку:

– Подожди, я еще не всё сказала... Сколько раз жизнь меня наказывала! Очень часто умные блистательные мужчины оказывались средними людьми и даже просто подонками. Но я всё равно продолжала держаться своего принципа. До сегодняшнего дня...

Она замолчала и взглянула на него:

– Ты не обиделся?

Он пожал плечами:

– На такое трудно обидеться. Ты вроде бы хвалишь меня? Так?

Она тихо сказала:

– Хвалю.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Они тихо рассмеялись.

Алмат вдруг стал серьезным и спросил:

– Послушай, а этот... ну, жених твой, он из умных?

– Какой жених?

– Ну, тот, за которого ты замуж собралась?

Алтын усмехнулась, глаза ее хитро блеснули:

– А-а... он никакой.

– Как это?

– Вот так. Никакой, потому что его нет.

Алмат посмотрел на неё с изумлением:

– Так ты обманула меня?

Алтын кивнула. Он некоторое время смотрел на неё так, будто впервые увидел, потом взял её руку и поцеловал в ладонь. Она выдернула руку и взялась за дверцу:

– Пора спать.

– Не уходи! – шепнул он умоляюще.

Она качнула головой и выскочила из машины.

Под ногами Алтын скрипнули доски пола в веранде. Она подошла к окну, отодвинула шторку и прильнула к стеклу лицом. Старуха взглянула на неё, но промолчала. Так они долго молчали, старая и молодая. Одна смотрела на портрет своего старика, висевший напротив, точно искала у него ответы на неразрешенные вопросы жизни, другая – на молодого шофера, который, задумавшись, сидел в машине.

Наконец Лятипа сказала:

– Алтын, ложись-ка, милая, устала, поди, намаялась, свет мой.

Внучка стремительно повернулась к ней, подошла и упала перед изголовьем на колени.

– Апа, дай мне свою руку. – Она отыскала прохладную сухую руку бабушки и приложила к своей щеке.

– Горишь вся, – проговорила старуха.

– Апа, кажется, я люблю его! Он хороший, хороший. И мне кажется, что он тоже любит меня. Как мы танцевали с ним, ты бы видела! – шептала девушка. – Я никогда ни с кем так не танцевала. Что мне делать, апа? Он женат!

Лятипа молчала, а рука её гладила внучку. Потом она сказала своим обычным властным голосом:

– Иди ко мне.

Алтын сбросила платье, забралась на кровать и легла у стены, прижавшись к худому бабкиному телу.

– Айналайн, – шепнула Лятипа и поцеловала её в голову. Затем длинно вздохнула: – Э-эх, Господи, не оставь... Ты думаешь, если я прожила век, то на всё у меня ответ готов? Ах, моя девочка! Одно знаю: семью разбивать – дело несправедное. Из сотен случаев лишь один может быть одобрен Всевышним. И я не знаю, тот ли это случай. Не знаю, свет мой.

– Что мне делать, апа? Я люблю его. Ах, если б он был моим мужем!

Лятипа ткнулась губами в её пылающую щеку.

– Ягненоч мой золотой! Погоди до завтра. Впереди целый день, может быть, он тебе подскажет, как поступить. А теперь спи. Спи, мой свет, душа моя...

Алтын положила руку бабушки под голову, как это делала в детстве, и вскоре усталое тело её погрузилось в глубокий сон...

Утро в селе, как всегда, наступило с первыми лучами солнца. Хозяйки доили коров и выгоняли их на пастбище, за коровами следовали, дробно топоча,

овцы и козы. В воздухе стояло мычанье и бляенье, поднятая животными пыль оседала медленно, припорошивая деревья и кусты вдоль дороги. Но подгулявшие накануне гости Байназара спали крепко и проснулись лишь к накрытому там же, во дворе, завтраку.

– Хорошо отдохнули, ребята? – спросила Лятипа.

«Ребята» закивали с набитыми ртами.

– Где Салтанат? – спросила Жибек у Бану вполголоса.

– Спит, – ответила та, печально потупив глаза.

– Что, поздно пришла?

– В пятнадцать минут первого. – Бану достала платочек. – Я глаз не сомкнула, пока она не появилась.

Жибек погладила её по плечу, потом спросила у Байназара:

– Откуда у вас молоко? Я коровы нигде не видела.

– Она проскочила у тебя между глаз, – пошутил Кайсар, – так же, как и собака.

– Корова есть, но в этом году яловая, я её на джайляу отогнал. А молоко мы у соседей берем, – пояснил Байназар и добавил, обращаясь к Кайсару: – Собака недавно околела от старости. Другую еще не успели завести.

– Слушай, ага, молоток! Вот если б студенты могли так же четко отвечать на экзаменах! – с искренним восторгом сказал Кайсар. – А теперь ответ так же толково на другой вопрос: мы сегодня едем на джайляу?

– Конечно, едем! Сразу же после завтрака.

– Там, наверное, не так жарко, как здесь? – спросил Сауран, утираясь салфеткой.

– Там прохладно, – сказала Лятипа. – Кумыса попьете, подышите чистым воздухом, на горы полюбуетесь.

– Поехали с нами, апа! – предложил Кайсар. – Без тебя и природа не в радость.

– Я что-то не вижу Тельмана, – сказала Бану, оглядывая застолье. Потом обратилась к мужу: – Что с ним?

Кайсар пропустил её вопрос мимо ушей.

– Перебрал вчера аспирант, – ответил вместо него Сауран, – вино с водкой мешал.

Алмат прикрыл ладонью пиалу и поднялся.

– Сынок? – встрепенулся Байназар.

Алмат прижал руку к груди:

– Спасибо.

Он вышел из-за стола и пошел к навесу, но там никого не было. Алмат вошел в дом, заглянул в детскую, потом – в зал. Алтын стояла у подоконника спиной к нему и перебирала пластинки. Она обернулась. Глаза девушки сияли, может быть, помимо её воли. Алмат подошел к ней, нашел «Амурские волны», спросил:

– Станцуем?

– Станцуем, – как эхо откликнулась она.

Он поставил пластинку и взял её за талию, они закружились.

– Нет, – сказал Алмат, останавливаясь, – не танцуется. Извини.

Он отошел, сел на диван, закинул руки за голову, посмотрел в окно. Алтын отключила вальс и снова начала перебирать пластинки. Их было много – больших и маленьких, толстых и тонких, старых и новых.

– Я видел во сне Лисичку, – начал Алмат, продолжая глядеть в окно. – Мне приснилось, что она умерла. Весь сон какие-то хлопоты в похоронном бюро. И так отчетливо, ведь я там никогда не был! Проснулся в холодном поту, сердце будто арканами стиснуто. И не верю, что это сон.

– Долго жить будет, – сказала Алтын, не оборачиваясь.
– Что? – не понял он.
– Долго жить будет, – повторила девушка.
– На полном серьезе? – недоверчиво спросил он. – Примета, что ли, такая?
– Так говорит моя бабушка, – ответила Алтын через плечо.
– Ах, твоя бабушка! – заметно повеселел парень. – Ну, тогда всё верно, тогда всё, как говорится, в ажуре.

Алтын нашла, наконец, нужную пластинку, бережно отерла тряпочкой и положила на проигрыватель. Мужской голос, полный страдания, запел:

*Ты меня на рассвете разбудишь,
Проводить, необутая, выйдешь,
Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь.*

– Что это за песня? – спросил Алмат.

Тут со двора донесся голос Кайсара:

– Алмат, заводи!

Во дворе стояла суматоха, гости и хозяева готовились к отъезду на природу. Рымкеш носила к машине пакеты с едой и спиртным, Алмат укладывал их в багажник.

Салтанат, стоя, ела хлеб с маслом и запивала чаем.

– Салточка, детка, сядь, поешь нормально, – жалобно попросила Бану.

Девочка упрямо мотнула головой.

– Ага, можешь взять апа и детей, – сказал Кайсар Байназару. – Места всем хватит, к тому же Тельман не едет.

– Почему? Что-то случилось?

– Болеет.

Байназар отошел к навесу, поискал что-то глазами.

– Папа, я тоже хочу с вами, – сказал Ержан, появляясь сзади.

– Что-о?! Не выдумывай!

– Тогда я поеду на велосипеде.

– А кто говорил, что он сломался?

– Отремонтирую.

– А кто будет дрова колоть?

Ержан подошел к жалкой кучке дров и стал яростно рубить сучья. Салтанат приблизилась с гроздью винограда и остановилась рядом.

– Салтанат, детка, в машину! – послышался голос Бану.

– Иду-у! – крикнула девочка и направилась к воротам. Но у самого выхода обернулась: – Эй, а ты что, не едешь?

– «Эй» зовут лошадей! – отрезал Ержан.

Салтанат постояла, глядя на него, потом хмыкнула и исчезла за калиткой...

В широком ущелье стояли две юрты. По ближайшему склону рассыпалась отара овец, направляемая двумя собаками-тобетами. Неподалеку паслись три стреноженные лошади. У одной из юрт в казане варилось мясо, бегали детишки, хозяйничали три женщины. Под брезентовым шатром, укрепленным на свежевбитых жердях, сидели гости Байназара. Дастархан, расстеленный прямо на траве, был засыпан баурсаками, сладостями, сухофруктами, орехами, уставлен бутылками водки и коньяка. Взбалтывая поварешкой кумыс, Рымкеш разливала его по деревянным чашам-тостаганам. По другую сторону дастархана сидели два загоревших до черноты чабана. Оба почтительно потчевали гостей и одинаково белозубо улыбались шуткам.

– Ох, какой чудесный кумыс! – воскликнул Кайсар, крякая. – Саке, пей вдоволь его, весь год будешь здоровым.

– Барекельды! – радостно кивнул Байназар. – Пейте, угощайтесь!

– А у меня от него изжога, – пожаловалась Бану.

– У тебя изжога от коньяка, – заметила Жибек.

Салтанат играла в волейбол с Айнаш и еще двумя загорелыми девочками лет десяти. Промазав по мячу, девочки виновато смеялись:

– Ой, что это со мной сегодня? Совсем криворукая стала.

Салтанат злилась:

– Долго вы мазать будете?

Нуржан и Токжан охотились за бабочками.

Алмат сидел на холмике над ручьем, курил и смотрел в воркующую прозрачную воду.

– Алмат, пойдем, поиграем! – позвала Салтанат.

Он поднял голову, невидяще посмотрел на девочку и снова опустил глаза к воде, точно что-то высматривал в ней.

– Салтанат, детка, иди, покушай! Кумыс хочешь? – донесся голос Бану.

Девочка подошла к дастархану, приняла из рук Рымкеш пиалу, отпила пару глотков, поморщилась и вернула обратно.

– Не-не, не буду. Кислятина.

Чабаны смотрели на неё как на заморскую зверушку.

– Почему она не пьет? – спросила Лятипа у Бану.

– Не хочет. Кислый, говорит.

– Да тут самый лучший в округе кумыс! – сказала Лятипа обиженно.

– Понимаете, апа, она городская девочка. Для неё это непривычный напиток, – пояснила Жибек, поправляя очки.

Лятипа сказала внушительно:

– Казахи говорят: «Не спрашивай о здоровье у того, кто кумыса не пьет». Испортили вы своих детей, кормите и поите неизвестно чем, – она огорченно махнула рукой.

– А можно мне на лошади покататься? – спросила вдруг Салтанат.

– Что ты, детка! Это опасно! – всполошилась Бану.

– Почему бы нет? – пожал плечами Кайсар. – На то это и джайляу, чтобы на лошадях ездить.

Чабаны переглянулись между собой, пошептались о чем-то. Потом один из них сказал:

– Ага, нам не жалко, но лошади эти малость строптивые, не каждого подпустят. Да и понести могут.

– Ой, не надо ничего! – замахала руками Бану. – Слышала, детка? Лошадки дикие, понести могут!

– Да всё поняла уже! – зло махнула рукой девочка, взяла бутылку лимонада с дастархана и пошла прочь...

Алтын, задумчивая, с горящими глазами, ходила по двору, носила посуду к kazanу. Из дому неслась грустная песня:

И качнутся бессмысленной высью

Пара фраз, залетевших отсюда:

Я тебя никогда не забуду,

Я тебя никогда не увижу.

Тельман лежал в гостиной на диване и стонал. Вдруг он поднялся, пошатываясь, подошел к проигрывателю, выключил его и снова лег. В ту же минуту в комнату ворвалась Алтын и опять поставила пластинку.

Тельман застонал:

– Да убери ты эту нудь! Голова раскалывается!

– Пить надо меньше!

Он сел на диване, посмотрел на неё, кривясь от боли, и вдруг захохотал, тыча пальцем в проигрыватель:

– Это... это про него, что ли? Про этого шофера? Ха-ха-ха!

Алтын побледнела, губы её сомкнулись, она молча, с презрением смотрела на извивающегося в смехе аспиранта. Он поперхнулся и закашлялся. Потом вытер рот и смерил её липнущим взглядом:

– Да-а. Что, половой гигант оказался?

Алтын ахнула:

– Ты разве человек?! Живой труп. Уходи, не воняй!

Она вдруг бросилась к серванту, выхватила вилку из задвижки, и, занеся её над головой, двинулась на Тельмана. Тот вскочил, шалея от страха:

– Ты что, больная? Брось, нашла игрушку!

Он поднял для защиты руки и пошел боком к выходу, не сводя с вилки глаз...

Кайсар, подтягивая спортивные брюки, подбежал к играющим. К нему вскоре присоединился Сауран. Мяч весело запрыгал между игроками. Маленькие девочки смущенно отошли в сторонку. Но вот мужчин позвали к дастархану, и у Салтанат опять упало настроение. На прощание Кайсар лихо послал мяч в небо.

– Ну и джайляу! – закричала вдруг Салтанат вдогонку мячу. – В гробу я его видела-а!

– Что ты сказала, детка? – отозвалась тут же Бану.

– Отвали, – огрызнулась девочка и тут увидела на дороге фигурку на велосипеде.

Маленький крепыш лет шести завладел мячом и, как заправский футболист, увел его в сторону, пнул изо всех силенок.

– Эй, ты что, офонарел?! – разозлилась Салтанат и побежала за ним. – Это же волейбольный мяч!

А мальчик, хитро улыбаясь, втянул в себя длинные сопли и проворно увернулся от неё.

Фигура на велосипеде приблизилась настолько, что стало возможным угадать в нем Ержана. Салтанат старательно потушила в глазах радостный огонь и послала ему мяч. Ержан поймал его и не спеша подъехал.

– А ну, кыш, салаги! – скомандовала Салтанат.

Ержан отдал ей мяч, слез с велосипеда, снял с багажника другой, футбольный, и покатил его перед собой. За ним побежал, заливаясь радостным смехом, мальчик-шалун. Салтанат надулась, отшвырнула свой мяч и пошла к ручью, туда, где сидел Алмат. А тот как раз поднялся, отщелкнул окурочек и стал спускаться. Девочка прошла мимо.

У дастархана пели. Пьяное разноголосье оглашало округу, выбивались голоса Байназара и Рымкеш.

– Ага, где твоя домбра? – вскричал Кайсар. – Спой нам под домбру.

Байназар, чуть не плача, развел руками:

– Забыли домбру-то! Вот беда!

Подошедший Алмат предложил:

– Давайте я съезжу за ней.

Все разом посмотрели на него.

Байназар замахал руками:

– Что ты, сынок, отдыхай!

– Я мигом. Тут ведь километров шесть, не больше.

– Шесть, да по камням, дорога, забыл, какая? – возразил Сауран. – Нам еще обратно чуть ли не полтыщи километров махать. Нечего машину зря гонять.

– Действительно, что это еще за глупости? – вскинулась Бану.

– Давайте я на лошади съезжу, – предложил один из чабанов.

Несколько голосов его поддержали. Но Кайсар обвел всех упрямым взглядом и решительно сказал Алматы:

– Езжай.

– Кайсар, не забывай, машина-то государственная! – заметила Бану недовольно.

Кайсар пригвоздил её взглядом:

– Лошадь – тоже.

Потом, как ни в чем не бывало, предложил Саурану, кивая на ближайший холм:

– Саке, пройдемся, ноги разомнем.

И они неторопливо направились в сторону холма.

Алмат завел машину.

– Алмат, ты куда? – закричала Салтанат с холма. – Я с тобой, подожди!

Салтанат быстро сбежала вниз.

– Салтанат, детка, куда ты? – всполошилась Бану.

Ержан оставил в покое мяч и тоже подошел к машине, Салтанат уже сидела там. Он молча сел на соседнее сиденье, девочка отвернулась к окну.

Машина тронулась с места и покатила вниз по ущелью.

Дорога и в самом деле была каменистой, изрезанной ручьями и речками, с крутыми неожиданными поворотами. На одном из поворотов Салтанат скомандовала: «Стоп!» Алмат затормозил. Девочка показала пальцем в окно:

– Что это за гора?

– Просто гора, – пожал плечами Ержан.

Девочка измерила взглядом суровую гору с каменистой неприступной вершиной и сказала твердо:

– Я хочу на неё, – и стала вылезать из машины.

Ержан вылез следом и махнул Алматы. Машина резко сорвалась с места и покатила дальше...

Алмат ворвался в дом, открыл одну дверь, вторую, третью. Алтын подметала пол в дальней комнате, служившей родителям спальней. Увидев Алматы, она выпрямилась и замерла.

– Вот ты где! – вздохнул он облегченно.

– Зачем ты приехал? – спросила она глухо, с тоской в голосе, сквозь которую пробивалась дрожащая струнка радости.

– Соскучился по тебе, – сказал он просто и добавил серьезно: – Знаешь, я, наверное, влюбился в тебя.

Алтын вздрогнула, взгляд её испуганно заметался.

– А как же... Лисичка? – спросила она, улыбаясь. Ей хотелось спросить весело и улыбнуться легко, лукаво. Но голос дрогнул, и улыбка вышла вымученная.

Алмат прикрыл глаза, замотал головой:

– Не знаю. Спроси что-нибудь полегче.

Он тяжело опустил в кресло, сцепил пальцы за головой. И заговорил:

– Утром чуть с ума не сошел из-за этого сна. Так и хотелось броситься к машине, плюнуть на всех и рвануть домой. Вдруг с ней и в самом деле что-то случилось. А потом ты сказала, что сон хороший, и всё... Как рукой сняло. И нет больше Лисички. Нет! Куда девалась – не знаю! Сын есть, как живой перед глазами стоит. А её нет. Вместо неё – ты, – сказал он, поднимая голову. – Золотая...

– Не надо! – взмолилась она, защищаясь от его слов поднятой ладонью.

Он вскочил, шагнул к ней, взял её за руки, зашептал горячо:

– Что – не надо? Ну что? А что – надо? Ты можешь мне ответить? Ты умная, всё на свете знаешь, читала много книг, скажи мне: что делать?

Алтын опустила глаза и так же прошептала:

– Не знаю, – и попыталась высвободить руки.

Но он еще крепче сжал их, потом с силой притянул её к себе и поцеловал в губы. И стал покрывать поцелуями её лицо, глаза, шею. Они стояли так и целовались, и ни до чего на свете им не было дела. И время остановилось. И всё в мире потеряло смысл. Они не помнили, где они, кто они. Всё было ненужным и неважным, кроме этих губ и глаз, и этих душноватых легких прядей.

Скрипнула дверь. Они оторвались друг от друга.

– Кто это? – спросил он.

– Наверное, Тельман.

Алмат встрепенулся:

– Он не пристаёт к тебе?

– Да у него сил нет для этого, еле ходит.

Алмат прерывисто вздохнул, потер лицо, затуманенный взор его коснулся домбры, висевшей на стене.

– Меня ведь за домброй послали.

Девушка подала ему инструмент. Он взял его, напоследок коснулся губами её пылающей щеки и выбежал из дому...

По склону горы шли гуськом Ержан и Салтанат. Она задыхалась и цеплялась за его руку. Под ногами осыпались камни. Девочка то и дело вскрикивала:

– Ай! Ой! Когда будет эта долбаная вершина?

Ержан отвечал хладнокровно:

– Никто тебя сюда не звал. Сама захотела.

– Откуда я знала, что она так высоко! Снизу кажется, что совсем рядом.

– Пошли обратно, – Ержан резко остановился.

– Ой, мама! – она вцепилась в него обеими руками, посмотрела вверх, потом вниз. – Нет. Пошли дальше.

– В следующем году займись альпинизмом, – иронично посоветовал он.

И вот они наконец добрались до вершины. Перед ними величественно возвышалась суровая скалистая пирамида со множеством выступов и отвесных стенок. Салтанат свалилась на землю, поросшую выгоревшей травой, застонала, потирая икры. Ержан посмотрел вниз. Там простиралось село, которое отсюда было видно, как на плане.

Девочка спросила:

– Что это там за квадраты?

– Сады.

– Так много?

– Двести гектаров.

– В одном гектаре... не помню, короче, много. А что ты там грузишь, в садах?

– Ясно, что, – яблоки.

– В чём? В ящиках?

– Рабочие собирают яблоки в корзины, притаскивают на пункт. Там пакует их в ящики, а мы грузим ящики на трактора с прицепами и увозим на склады. Оттуда их развозят по всей стране.

Девочка помолчала.

– Тяжело?

– Конечно. Это тебе не в гору подниматься.

Салтанат вздохнула:

– А я терпеть не могу физический труд. Он унижает человека.

Ержан усмехнулся:

– Скажешь тоже. Знаешь, что унижает человека? Безделье.

Он поднялся и пошел к скале. Салтанат, охая, побрела за ним. Выступ за выступом, очень осторожно, они поднимались вверх. Ержан держал её за руку.

Примерно на середине скалы перед ними открылась внутренняя площадка, похожая на пещерку.

– О! – Салтанат подошла к большому плоскому камню, покрытому мхом, и опустилась на него. – Кайф! – она вытянула ноги и прикрыла глаза.

Ержан стоял у входа в «пещеру» и смотрел на неё.

– Иди сюда, – сказала девочка царственно, подвигаясь. – Здесь много места.

Он нерешительно подошел, присел с краю. Салтанат начала разглядывать его, как какой-нибудь музейный экспонат. Он смущенно отвел взгляд.

– У тебя есть девочка? – спросила она вдруг.

Ержан мотнул головой. Он молча смотрел на муравья, ползущего по ноге.

– Надо идти, а то искать будут, – сказал Ержан тихо.

– Рано еще, – она смотрела на него в упор.

А он всё следил за муравьем, ползущим по штанине.

– Поцелуй меня, – сказала она вдруг.

Он вздрогнул. Лицо его залила краска.

– Я знаю, ты влюбился в меня, – сказала она.

– Нет, – ответил он глухо.

– А вот и влюбился!

– А ты? – спросил Ержан и быстро взглянул на неё.

– Я?! – она слегка растерялась. – Еще чего! У меня есть мальчик. Учится в физматшколе.

– Вот и целуйся с ним!

– Он... он мне надоел! – сказала она капризно и засмеялась, подражая красивым вольным женщинам в кино.

Ержан посмотрел на неё пристально, медленно наклонился и близко увидел её немигающие глаза. Потом резко поднялся и пошел прочь. Девочка закричала ему вслед:

– Стой, ты куда?!

Ержан начал спускаться с горы. Салтанат вскочила и побежала за ним:

– Эй, стой, тебе говорят! Кретин! Мамба!

Ержан не оглядывался. Вдруг она закричала страшным голосом, и он эхом разнесся по ущелью...

Алмат издали увидел подростка, спускавшегося с горы. Он нес на руках девочку. Алмат притормозил, выскочил из машины и побежал ему навстречу. Салтанат казалась безжизненной. Лицо её заливала кровь. В крови были руки Ержана, его рубаха и брюки. Сам он едва волочил ноги, по лицу струился пот.

– Что с ней? – спросил Алмат, принимая девочку.

– Упала на скале.

Алмат быстро спустился и положил Салтанат на траву в тени машины. Потом принес аптечку, скомандовал:

– Сбегай за водой, возьми бутылку в машине.

Сам же смочил ватку нашатырем, поднес к носу девочки. Она вздохнула и открыла глаза, застонала. Прибежал Ержан с водой. Алмат омыл лицо девочки. Ранка была глубокая, чуть ниже правой брови, в сторону виска. Алмат сделал перевязку, Салтанат всё время стонала.

Закончив, шофер поднял девочку на руки и осторожно посадил в машину, на переднее сиденье. Хлопнув дверцей, он повернулся к Ержану:

– На тебе, браток, лица нет. Держись, это только цветочки, – он ободряюще улыбнулся. – Садись в машину. Вместе отвечать будем.

– Вы-то при чём?

– Сейчас увидишь.

Ержан медленно подошел к машине. Салтанат вдруг повернулась к нему и закричала в открытое окошко дверцы:

– Пошел вон! Ненавижу тебя! Ненавижу-у! – и залилась слезами, забилась головой о спинку сиденья.

Алмат рывком открыл дверцу, схватил её за плечо:

– Салта, успокойся, слышишь?!

Потом смочил кусок бинта водой, отер ей лицо. Она затихла, но тело её продолжало содрогаться.

Когда Алмат поднял голову, Ержан уже был далеко. Он уходил куда-то по тропе, огибая злосчастную гору...

Машину встретили гулом оживления.

– Барекельды! – облегченно вздохнул Байназар.

– Домбра приехала! – констатировал Кайсар.

– Что так долго, Алмат? – капризно спросила Бану.

– Где пропал? Уже обратно пора ехать, – сморщился Сауран.

Алмат молча обошел машину и вывел Салтанат. Все на миг остолбенели. Потом поднялся невообразимый шум, вопли ужаса.

– Какой кошмар! – ахнула Жибек.

– Салточка, детка! – закричала Бану не своим голосом. – Что с тобой сделали?!

Рымкеш испуганно ущипнула себя за щеку, Байназар побледнел так, будто разом лишился всей крови. Дегитки притихли, чабаны подавленно шептались.

Салтанат обняла Бану и захныкала:

– Теть Бану, я хочу домой!

– Бедная моя девочка! – всхлинула та и угрожающе посмотрела на Алмату: – Что с ней? Я тебя спрашиваю!

Алмат закурил.

– Полезла в гору и упала.

– Как упала?! А ты куда смотрел?

– Теть Бану, Алмат не виноват, – сказала девочка сквозь всхлипы.

– Бедная моя, что я скажу твоей маме? – Бану заплакала, прижимая девочку к себе.

Рымкеш и чабанки, горестно перешептываясь, стояли в стороне. Чабаны огорченно кричали и качали головами. Байназар озирался вокруг, будто кого-то искал. Кайсар протрезвел и тупо смотрел перед собой, засунув руки в карманы брюк.

Лятипа, всё еще сидевшая за дастарханом, громко спросила:

– Что там стряслось? – но не получив ответа, медленно поднялась и направилась к людям.

– У вас есть аптечка? – спросила Жибек у чабанов.

– Я уже сделал ей перевязку, вы же видите, – сказал Алмат.

– Я вижу, что кровь не свернулась! – холодно парировала женщина. – Ты использовал йод?

– Да, использовал, – так же холодно ответил шофер.

Жибек подошла к девочке:

– Салточка, сядь, давай я посмотрю.

Они сели на траву. Жибек разбинтовала голову. Кровь тут же залила затекающий газ.

– Ах, боже мой! – ахнули обе женщины в один голос.

– Что же делать? – Жибек занервничала, подтирая струйку ваткой. – Какая глубокая ранка, надо оперировать. Но прежде остановить бы кровь...

Подошла Лятипа, склонилась над девочкой, выпрямилась и скомандовала:

– Эй, Рымкеш, подпали-ка кусочек войлока.

Невестка, точно обрадовавшись делу, побежала к юрте. Чабанки последовали за ней. Одна из них ловко отрезала ножом кусок войлока от покрова юрты. Рымкеш зацепила его щипцами и подержала над углями.

– Апа, что вы хотите делать? – с подозрением спросила Бану.

– Ну-ка, давайте её! – сказала Лятипа, принимая из рук Рымкеш обуглившийся кусочек.

Старуха села, положила голову Салтанат к себе на колени и, что-то приговаривая, приложила войлок к кровоточащей ране.

– Ай, больно! – застонала девочка.

– Лежи ты, не вертись! – прикрикнула Лятипа на неё.

– Вы же занесете инфекцию! – всплеснула руками Жибек.

– И в самом деле, апа! – вторила ей Бану.

Лятипа сказала Жибек:

– Давай без лишних разговоров, перевяжи ей голову. Сейчас кровь остановится.

Жибек занялась девочкой, а Бану опять приступила к допросу:

– Значит, она упала? А почему ты позволил ей лезть на ту гору?

– Она у меня не спрашивала, – усмехнулся Алмат.

– Но ты, как старший, должен был удержать её. Мало ли чего вздумает ребенок!

Алмат молча курил, на скулах его вздувались желваки.

– А где этот мальчик, Ержан? – спохватилась вдруг Бану. – Он же был с ней.

При этих словах Байназар, неприкаянно бродивший рядом, замер как парализованный. Жибек закончила перевязку. Голова Салтанат лежала на её коленях, глаза девочки были закрыты.

– Не знаю, – сказал Алмат. – Кстати, это он принес её с горы на руках.

– А теперь куда девался? – развела руками Бану.

– Не знаю. Ушел.

– Куда ушел? Почему ты не задержал его?

– Почему я его должен задерживать? Он что, преступник?! – взорвался Алмат. – И вообще, я ничего не должен, кроме того, как исправно водить эту машину! Я простой водитель, а не нянька!

– Как ты смеешь кричать на меня! – Лицо Бану покрылось пятнами. – Кайсар, ты слышишь, что он себе позволяет?

Кайсар перевел на неё тот же отсутствующий взгляд и встряхнулся, сбрасывая оцепенение.

– Ну, хватит, устроила тут допрос, – произнес он угрюмо и повернулся к Байназару: – Ага, у вас могут зашить рану?

Тот растерянно пожал плечами:

– У нас вряд ли. Наверно, придется везти на ту сторону реки, в кыргызский райцентр...

В детской Салтанат сидела перед зеркалом и рассматривала свою перевязанную голову. Правый глаз её был почти закрыт повязкой. Взгляд у девочки был жесткий и злой, будто она смотрела на врага. И в то же время по глазам её было видно, что она к чему-то прислушивается. Вошла Бану.

– Салтанат, деточка, может, ты покушаешь?

Девочка качнула головой и поморщилась.

– Тише, детка, тише! – испуганно пролепетала Бану. – Ложись, отдохни, тебе нужен покой.

Салтанат медленно поднялась и легла на кровать. Так же медленно прикрыла веки. Бану еще постояла над ней немного и пошла к выходу. У двери она остановилась:

– Хирург сказал, что хорошо наложил швы, шрам будет незаметный.

Она подождала ответа девочки, но та молчала. Женщина помялась немного, потом спросила полупешотом:

– Деточка, он точно с тобой ничего не сделал?

Салтанат направила на нее убийственный взгляд и сказала:

– Уйдите, тетя Бану!

Бану вздохнула и вышла. Беспшумно вошла Айнаш, присела на стул и стала глядеть на Салтанат. Шторы не были задернуты, и комнату освещал холодный свет луны.

– Теперь у вас всегда будет болеть голова, – сказала Айнаш печально.

Салтанат открыла глаза, но промолчала.

– Я, когда была маленькая, упала с яблони и разбила голову, – продолжила Айнаш. – Теперь у меня всё время болит голова.

– Не болит голова у дятла, – проговорила вдруг Салтанат.

– У дятла? – не поняла Айнаш. – Не знаю, я их никогда не видела.

– Фильм есть такой, – устало сказала Салтанат, и её веки утомленно сомкнулись.

В комнате воцарилась тишина. И вообще было тихо, будто весь дом вымер.

– А Ержана всё нет, – грустно вздохнула Айнаш. – Алтын-апке и Алмат-ага пошли искать его.

Салтанат лежала неподвижно, глаза её были закрыты.

В гостиной гости пили чай. В том же составе, только не было Алмата и Салтанат, да еще Лятипы. Пили молча, скорбно, как на поминках. Рымкеш сидела притихшая и несчастная. Бану поминутно подносила к глазам платочек, Кайсар был глубоко задумчив, казалось, он никого вокруг не видит и не слышит. Жибек холодно поблескивала стеклами очков, лицо Саурана выражало суровую неприступность. Он допил чай и решительно прикрыл пиалу ладонью.

– Саке? – Байназар протянул к нему руку.

Но Сауран мотнул головой, точно лишая его последней милости. Рука Байназара упала на колени, плечи сгорбились, по лицу потекла капля тяжелого пота.

Лишь один Тельман был безмятежно спокоен. Он с наслаждением тянул крепкий чай, промокая лицо и шею платочком, и оглядывал всю компанию невинно-любопытными глазами.

Не выходя из глубокого раздумья, Кайсар молча налил себе водки и так же молча выпил. Тут вошла Лятипа.

– Господи, сохрани и помилуй, до сих пор нет Ержана., – проговорила она сокрушенно, присаживаясь у самовара. – Уже ночь на дворе.

Байназар встрепенулся:

– Пусть он пропадет совсем! Пусть сгинет!

– Что он говорит, Аллах? Ты в своем уме?! – вскричала Лятипа.

– Я убью его, пусть только появится! – опять точно в безумии выпалил Байназар.

Рымкеш всхлинула, а Лятипа с ужасом посмотрела на сына и, будто ища помощи, оглядела гостей:

– Что он говорит, Создатель? Не помешался ли?

Ей ответили дружным враждебным молчанием. Старуха остановилась взглядом на Кайсаре:

– Эй, Кайсар, скажи хоть ты что-нибудь!

Вместо ответа тот снова налил себе полную стопку и выпил. Бану посмотрела на мужа с бесконечной жалостью, глаза её затуманились слезами. Жибек нервно поправила очки.

Сауран откинулся на стуле, кашлянул и обратил строгий взор к старухе:

– Шешей¹, послушайте сюда, – он сделал значительную паузу. – Салтанат – дочь большого человека, министра. Если вспомнить старые времена, то срав-

¹ Шешей – матушка.

нить его можно только с крупным биением, вхожим в ханскую юрту. Мы с Кайсаром несем ответственность за её целостность и сохранность. Каке даже в большей степени, чем я, так как это он пригласил девочку с собой в поездку.

При этих словах Кайсар снова потянулся к бутылке.

– Эй, парень, хватит пить-то! – остановила его резким голосом Лятипа.

Кайсар взял бутылку, внимательно оглядел её и нехотя отставил в сторону.

Сауран продолжал:

– Стучилась большая неприятность, девочка едва не лишилась жизни.

– Сантиметр в сторону виска, и могла наступить мгновенная смерть, – констатировала Жибек.

– Да сохранит ее Господь, – вздохнула старуха, – что случилось, то случилось. Неловко перед её отцом, это верно. Кто бы он ни был, неловко. Даст бог, выздоровеет. Случай, он ведь слепой, не выбирает, где дочь министра, а где – простого человека...

– Разговор как раз о том, – перебил ее Сауран, – случай это или что другое. При ней находился ваш внук. Теперь он скрывается, не возвращаясь домой даже под покровом ночи. А девочка упорно молчит, она сейчас в шоковом состоянии.

– Подождите, – Лятипа оторопело развела руками, – что-то я никак не возьму в толк. Вы что же, думаете, что это Ержан...

Жибек не дала ей закончить.

– Мне кажется, вот как это было, – деловито и сухо начала она. – Я скажу прямо, здесь все люди взрослые, поймут... Мальчик находится в расцвете полового созревания, когда организм легко возбудим. Они с девочкой остались наедине в безлюдной местности. Он видимо, стал помогать ей, она, конечно, сопротивлялась, побежала и упала. А мальчик испугался и исчез. Разумеется, мы, взрослые, в некоторой степени виноваты в том, что случилось... – тут Жибек запнулась, не зная, как закончить.

– Бедная девочка! – всхлинула Бану, поднося к глазам платочек. – Я ведь так старалась беречь тебя...

– Так что дело очень серьезное, – заключила Жибек, поправляя очки.

Кайсар налил и снова выпил. Но Лятипа даже не взглянула на него. Она с ужасом смотрела на Жибек.

– Я убью его! – глухо повторил Байназар.

Рымкеш выронила пиалу из рук, но она не разбилась.

Алтын и Алмат брели по ущелью вдоль речки. Полная луна освещала им путь. Лицо девушки было полно тревоги. Она зорко всматривалась во тьму, делала руки рупором, звала:

– Ержа-ан! Где ты? Отзовись!

Эхо повторяло многократно её голос. Кричали какие-то ночные птицы, шумела речка.

– Никуда он не денется, – говорил Алмат, сжимая её руку, – вот увидишь. Может, уже пришел, а мы тут ищем. Давай спорить, что он уже дома.

Алтын посмотрела на него с укором:

– Тебе бы только шутить.

– Я на полном серьезе, – он остановился. – Не веришь? Посмотри мне в глаза.

Алтын тоже остановилась, подняла к нему лицо. Он обнял её и стал целовать. Она слабо сопротивлялась:

– Перестань... Ну что мы делаем!.. Я, наверное, сойду с ума... Я уже сошла с ума...

В гостиную заглянула Айнаш и сообщила:

– Ержан пришел.

Байназар вскочил и бросился наружу. Все зашевелились, заскрипели стулья, Рымкеш и Лятипа поспешили выйти следом за Байназаром.

Ержан стоял посреди двора, опустив голову. Лампочка под крышей ярко освещала то место, где он стоял. Байназар подбежал к нему и с силой ударил по лицу. Парнишка прикрылся руками. Отец продолжал бить сына, приговаривая:

– Вот тебе, кровопийца! Вот тебе, гаденыш! Всё ведь для тебя, подлеца! Всю кровь мою выпил!

Рымкеш и Лятипа с воплями подбежали и повисли у него на руках.

– Не трогай его! – закричала старуха низким голосом. Лицо её стало страшным, из-под платка выбились седые пряди, смертельная бледность разлилась по щекам. – Если я тебе мать, ты его не тронешь!

Но Байназар словно обезумел, глаза его готовы были выскочить из орбит, ноздри раздувались. Он с силой отшвырнул обеих женщин. Лятипа упала, Рымкеш кинулась поднимать её. Байназар продолжал бить сына с каким-то сладострастием. Гости тем временем вышли во двор и стояли тесной группой, наблюдая за происходящим. Кайсар шатался и икал. Рымкеш с плачем снова стала отнимать Ержана, плачущая Айнаш поддерживала Лятипу, та едва стояла на ногах. Жибек прикрыла глаза рукой.

В окно детской смотрела на это побоище Салтанат.

Бану не выдержала, закричала:

– Ну хватит, ага! Убьете же!

Сауран подошел и потянул Байназара за руку:

– Ладно, довольно, Байеке, не горячитесь. А то и впрямь убьете.

Он увел дрожащего Байназара в сторону, успокаивающе похлопал по плечу.

Рымкеш, плача, повела сына к колонке умываться. У Ержана был разбит нос, рассечена губа, но лицо его было безучастным.

Жибек передернула плечами:

– Фу, какое жуткое зрелище!

Кайсар блевал возле дувала, Тельман держал его под руки.

Сауран ходил с Байназаром в глубине двора и что-то говорил ему. Тот, бледный, как только что вытасченный из воды утопленник, пытался понять, о чем ему говорят.

...Утро наступило облачное, хмурое. Гости готовились к отъезду. Байназар упаковывал в мешок остатки бараньей туши. Ему помогал Алмат. Кайсар пил минеральную воду прямо из бутылки. Вид у него был больной, под глазами висели мешки. Жибек красила губы перед зеркалом умывальника. Рымкеш ходила осунувшаяся, потерянная, что-то искала.

– Женгей, скоро вы там? – нетерпеливо кричала Бану. – Тельман, отнеси Салточку в машину.

Тельман, свежевыбритый и сияющий, пружинистой походкой вошел в детскую, где сидела на кровати девочка. Он протянул к ней руки. Салтанат молча, не глядя, ударила его и пошла к выходу. Аспирант попытался поддержать её под локоть, но опять получил звонкий шлепок.

На веранде лежала на кровати Лятипа. Алтын сидела у её ног и тихо плакала.

Алмат погрузил в машину стоящий на улице возле дома мешок с мясом. Рымкеш принесла сетки, туго набитые яблоками и прочей снедью. Алмат и их пристроил.

Стали прощаться. Скорбно, как после похорон. Вдруг Кайсар, никому ничего не говоря, пошел к дому. Остальные переглянулись и последовали за ним. Осталась только Салтанат, она сидела в машине, глядя прямо перед собой.

Лятипа лежала неподвижно, вытянув поверх одеяла тяжелые руки, похожие на иссохшие сучья старого дерева. Глаза её потухли и были так мертвы, что старуха казалась слепой. Кайсар стоял перед ней с опущенными плечами, весь помятый и небритый. Глаза его были устремлены к лицу старухи.

Гости гуськом вошли в веранду и застыли, не приближаясь. В воздухе повисла гнетущая тишина, только слышны были голоса игравших во дворе двойняшек. Наконец Сауран, кашлянув, приблизился к кровати и, оттеснив Кайсара, взял руку старухи и учтиво попрощался:

– Ну, апа, до свидания. Поправляйтесь. Как выздоровеете, приезжайте к нам, в Алматы, погостить, – и отошел, аккуратно положив руку Лятипы на место.

Тельман проделал то же самое, только без слов. Бану строго взглянула на девушку, сидевшую неподвижно в ногах бабушки:

– Алтын, врача вызвали?

Та словно не слышала её. Бану возмущенно засопела, а Жибек сказала бодрым голосом, сделав шаг к кровати:

– Апа, я обязательно пришлю вам лекарство. До свидания!

Кайсар наконец вышел из оцепенения и взмолился:

– Апа, посмотри на меня! Отругай меня, назови проказником, негодником, только не молчи!

Старуха не шелохнулась. Сауран развернул Кайсара за плечи и повел к выходу. Остальные последовали за ними, на веранде остался один Алмат. Он стоял и смотрел на Алтын. Тут с улицы послышались сигналы машины. Шофер вздрогнул и шагнул к девушке. Она подняла к нему заплаканные глаза.

– Алтын, золотая моя, – начал было парень, но глаза эти были так далеки от него, что он смешался и умолк.

А она стала испуленно целовать руки бабушки:

– Апа, душа моя, что с тобой, очнись! Не пугай меня!

Алмат постоял еще с полминуты и вышел.

Байназар и Рымкеш стояли возле машины, Айнаш и двойняшки застыли у самых ворот. Гости уже расселись, мотор был заведен, но машина не трогалась с места. Бану что-то возмущенно кричала Алмату. Вдруг в открытой калитке появился Ержан. Он очень изменился за прошедшую ночь. Как будто вырос и возмужал. Взгляд из-под насупленных бровей был суровым. Он нашел глазами Салтанат, сидевшую у окна. И она медленно повернулась к нему.

«Зачем ты приехала сюда? Видишь, что ты натворила? Сидела бы себе в своей Алма-Ате», – сказали его глаза.

Она отвернулась от него, и машина мягко тронулась с места.

Тем временем Лятипа вышла из своего странного состояния. Лицо её ожило, в глазах появился блеск.

– Апа, наконец-то ты очнулась! – воскликнула Алтын, сжимая ее руку.

– Слава богу! – всплеснула руками Рымкеш, стоявшая рядом.

Ержан и Айнаш вошли и застыли у порога. Лятипа обвела всех взглядом и проговорила:

– Уходить мне пора... Смагул заждался.

– Апа! Не говори так! – всхлипнула Алтын и всем телом подалась к ней. – Апа! Где твой браслет?! – вскричала вдруг она, с ужасом шаря по её пустому запястью.

Рымкеш прорвалась рыданиями с криками вперемежку:

– Где?! У этой он, у шлюхи Жибек! Уехала она, увезла его! Отец твой, угодничек, отдал ей, у родной матери отобрал!

Алтын показало, что в глазах у нее померкло от её слов.

– Апа! Я привезу твой браслет! Слышишь?! Ты только не умирай! – она вскочила и выбежала наружу, по пути нацепив на ноги бабушкины азиатские калоши.

– Ты куда, дочка? – только и успела крикнуть ей вдогонку мать.

На мгновение Алтын остановилась: «Сункара нет!»

И тут она увидела в окошко веранды, как Байназар во дворе принимает из рук Еламана поводья коня. Волна радости накрыла её. Девушка выскочила

наружу, молча выхватила поводья из рук отца и вскочила на лошадь, благо подол штапельного платья был широким.

– Эй, дочка, ты куда собралась? – выпучил глаза отец, но Алтын развернула рыжего коня и поскакала вон со двора. Еламан с Байназаром недоуменно переглянулись и посмотрели ей вслед.

Алтын скакала во весь опор. В руках у неё не было ни камчи, ни хворостины, чтобы подстегивать коня, и ей ничего не оставалось, как то и дело прищипывать его. При этом она шептала, обращаясь к лошади: «Давай, мой Сункар! Нам надо догнать их! Ну же!»

Белый микроавтобус едва успел выехать из села. Он ехал медленно, будто никак не хотел покидать эти места. Алмат, глубоко задумавшись, смотрел вперед. Жибек любовалась браслетом на своей руке, Кайсар спал, откинув голову назад и приоткрыв рот. Когда голова его сползала набок, сидевший рядом Тельман поправлял её и возвращал на место.

– Алмат, ты чего так ползешь? – подала недовольный голос Бану. – Дорога дальняя, нам еще надо сегодня к хирургу попасть, – она жалостливо посмотрела на сидящую рядом Салтанат.

– И в самом деле, парень! – не выдержал Сауран. – Плетешься, как катафалк!

«А чем не катафалк? Разве здесь есть живые люди?» – пробормотал в усы водитель и бросил в салон:

– Дорога плохая. Дайте выехать на трассу.

Вдруг сзади, перекрывая шум мотора, послышался топот копыт, и прямо перед машиной вырос всадник.

– Стой! – закричала Алтын, поднимая руку.

Алмат резко затормозил и выскочил из машины:

– Алтын?!

Женщины всполошились:

– Что? Кто? Что там случилось?

– Старуха померла! – бормотнул Сауран.

Проснувшийся от толчка Кайсар, ничего не понимая, оглядывался по сторонам. Алтын с развевающимися волосами и безумным блеском в глазах слетела с коня, бросила поводья в руки Алмата и, с треском открыв дверь, вошла в салон. Она подошла к Жибек и протянула к ней руку:

– Браслет!

Жибек нервно поправила очки:

– Какой еще браслет?

– Отдайте бабушкин браслет!

Жибек огляделась по сторонам, точно ища защиты.

– Но... она сама мне дала его...

– Неправда! – закричала вдруг Алтын громовым голосом. – Отдайте бабушкин браслет!

Жибек испуганно вздрогнула, дрожащими руками сняла браслет и протянула девушке. Та схватила его и выскочила вон из машины. Алмат помог ей сесть на коня. С ноги девушки нечаянно слетела калоша, парень поднял её и бережно надел ей на ногу.

Тут из машины показалась Салтанат.

– Салточка, ты куда?! – послышался отчаянный голос Бану.

– Возьмите меня с собой! – крикнула девочка, преграждая путь всаднице.

Алтын с ненавистью посмотрела на неё сверху вниз:

– Еще чего?! А ну пошла вон с дороги! – крикнула она и тронула коня.

Салтанат отскочила, но потом бросилась за ней.

– Стойте! Я должна вам что-то сказать! – закричала она хриплым голосом. – Он не виноват! Я сама!

Но Алтын даже не оглянулась. Неловко переваливаясь, за девочкой бежала Бану. Салтанат упала обессиленно на дорогу и забилась в истерическом плаче.

– Он ни в чём не виноват! Это я... я сама...

– Салточка... детка, успокойся... тебе нельзя плакать! Шов может разойтись! – задыхаясь, проговорила Бану и свалилась рядом с ней на дорогу.

Алмат стоял и смотрел на удаляющуюся всадницу, пока она не скрылась за поворотом...

Алтын подъехала к дому, спрыгнула с коня, отдала поводья стоящему у ворот Ержану и побежала в дом.

Лятипа по-прежнему лежала на кровати, но теперь голова её покоилась на высоких подушках. Рымкеш стояла рядом и поила её кумысом из кружки.

– Апа! Вот твой браслет! – Алтын стремительно подошла и, присев на кровати, взяла руку бабушки, поцеловала её и надела на запястье браслет. На глазах девушки показались слезы.

– Как ты его забрала?! – ахнула мать в изумлении.

Алтын махнула рукой и наклонилась к Лятипе:

– Апа, не вздумай умирать, слышишь? – сказала она. – Обещай мне, что будешь жить долго!

Старуха слабо улыбнулась и прикрыла глаза в знак согласия.

– Конечно, апа! – подхватила Рымкеш, вытирая выступившие слезы. – Ишь чего удумали! Вы нам всем еще нужны! И правнуков вам надо дождаться, чтобы из их ладошек воды испить, а то в рай не попадете! – и она засмеялась.

Алтын тоже засмеялась сквозь слезы, покрывая руку бабушки поцелуями.

– А теперь вставайте, пойдемте чай пить, – скомандовала Рымкеш, – а то с этими гостями два дня толком и чаю не пили.

...Они сидели под навесом и пили чай со сливками. Алтын то и дело прижималась к бабушке, ластилась к ней, как маленькая.

– Айналайн, свет мой, душа моя, мой золотой ягненок, – приговаривала та ласково и целовала её в голову.

Со стороны двора появился Байназар.

– Доктора дома не оказалось, уехал куда-то, – произнес он удрученно и добавил, приглядываясь к матери: – Я смотрю, вам уже лучше, апа?

Рымкеш налила и поставила перед ним пиалу с чаем. Байназар грузно опустился на табурет.

Старуха с непроницаемым лицом повернулась к невестке:

– Кто этот человек? Я с ним не знакома.

Та потупилась. Алтын угрюмо теребила край клеенки.

– Зачем вы так, апа? – обиженно проговорил Байназар.

Но Лятипа прикрыла ладонью пиалу и провела руками по лицу, завершая трапезу.

– Пойдем, дочка.

Алтын помогла ей подняться и вывела из-за стола. Байназар вскочил и хотел поддержать мать с другой стороны, но старуха властно отвела его руку...

Три дня Лятипа не разговаривала с Байназаром, равнодушно смотрела мимо него, не отвечала на приветствия, не откликалась на его отчаянные попытки завязать с ней разговор. Он весь извелся, лицо его сморщилось и потемнело от горя.

Наступило утро четвертого дня. Алтын проснулась, потянулась к лежащей рядом бабушке, прижалась к ней. Та ласково коснулась губами её щеки.

Тут в дверь заглянула Рымкеш, потом вошла и, улыбаясь, сказала:

– Апа, сегодня вашей дочке двадцать пять лет исполняется, из мушеля² выходит.

– А-а, вот как? – протянула Лятипа, обняла внучку и поцеловала её в лоб. – Айналайн, долгих лет тебе, мой золотой ягненок! – Потом обратилась к невестке: – А ты чего там стоишь? Иди, обними дочку. Она сначала твоя дочь, и только потом – моя.

Они засмеялись. Алтын выскочила из постели. Мать подошла к ней, они крепко обнялись. Алтын накинула платье и вышла из комнаты. Рымкеш потопталась на месте и с мольбой посмотрела на свекровь:

– Апа, вы уж простили бы сына. Он весь измаялся, ночами не спит, ворочается.

Лицо старухи посуровело.

– Где он?

– На работу уже ускакал.

Вечером, когда Байназар вернулся с работы, старуха призвала его к себе.

– Сядь, – обронила она, когда тот переступил порог комнатки.

Байназар молча опустился на стул, положил на колени руки и затих, не смея поднять на мать глаза.

– Отец твой Смагул рассказывал: когда пришли большевики и отобрали весь скот у них, дед твой не упал к ним в ноги, не просил пощады, – начала Лятипа, – наоборот, он бросился на них с кулаками, защищая семью, свое добро и имущество. Они до полусмерти избили его, но он не сдался. И Смагул никогда не ходил перед большими людьми на задних лапах, всегда вел себя с достоинством.

Она замолчала, собираясь с мыслями. Сын сидел в той же позе, глядя под ноги.

– Говорят, у пустыни не бывает камыша, у плохого человека не бывает чести. Неужели ты оказался таким?

– Каким, апа? – вырвалось у Байназара.

– Плохим! Несчастливым, жалким! Бегал перед этими столичными, словно жизнью им обязан!

– Да я же, апа, для Ержана старался! Учится ведь неважно, в институт не поступит без их помощи. Я ведь хочу, чтоб он человеком стал! Не махал тяткой в поле, не сторожил сады, как я, а работал экономистом...

– Кто тебе сказал, что только высшее образование сделает его человеком?! – воскликнула старуха. – Да, Ержан – мальчик с ленцой, но я знаю, что в нём есть искра божья, он сам встанет на ноги и добьется успехов в жизни.

– Он опозорил нас, апа! – процедил сквозь зубы Байназар, качая головой.

Лятипа сверкнула гневно глазами.

– Не смей говорить так! Это ты опозорил мою седую голову! Как ты мог?! Поднять руку на сына при всех, не разобравшись ни в чём? Поверил этим чужим людям! О, Аллах, как я могла пережить это?! – старуха закашлялась, сотрясаясь всем телом.

Байназар мрачно молчал, сцепив руки.

– А как мне простить тебе это? – Лятипа подняла руку с браслетом. – Если б не Алтын, лежать бы мне сейчас в могиле! – сказала она, вытирая рот тряпицей, потом добавила с силой в каждом слове: – Ничего не сделал Ержан той городской девчонке, будь она неладна, слышишь?! Сам мне признался. Да я из без его признания знала об этом!

² Мушель – двенадцатилетний цикл календаря животных по казахскому летоисчислению.

Байназар поднял голову и с недоверием посмотрел на мать.

– Что наши предки говорили? «До пяти лет сын подобен царю, до пятнадцати лет считай его помощником, а после пятнадцати – другом». А ты превратил сына в изгоя, в злейшего своего врага! Какой же ты глухой и слепой отец, если не чувствуешь собственного чада, не понимаешь его?! – горестно сказала старуха и отвернулась к окну.

Байназар вдруг тряхнул головой, точно хотел избавиться от какого-то навяздения, потом сполз со стула и рухнул на колени, упал вниз лицом.

– Апа! Простите меня! Простите меня! – бормотал он. Плечи его вздрагивали, а дрожащие руки гладили ноги матери в мягких ичигах.

Лятипа медленно перевела взгляд на распластанного сына.

– Не только у меня ты должен просить прощения, а у всех своих предков до седьмого колена! – сказала она сурово.

Байназар вздрогнул и вдруг заплакал, как малое дитя, содрогаясь всем телом. А Лятипа смотрела на него сверху и видела маленького мальчонку, которого берегла как зеницу ока и дни напролет молила Аллаха не забирать его, как Он забрал других детей. На глаза её навернулись слезы.

– Ну, будет, – сказала она мягко, – поднимайся.

Байназар приподнялся на колени. Мать взяла обеими руками его голову и поцеловала в стриженое темя...

Алтын задумчиво шла в сторону сада, кусая травинку. Рыжий конь всхрапнул у своего стойла. Алтын подошла к нему, потрепала ему гриву, провела ладонью по морде.

– Ах ты, мой Сункар! Красавец мой! Помнишь того усатого парня-шофера? Если б ты знал, как я люблю его! – конь пошевелил ушами. – Сегодня мой день рождения. Вот тут, в своем сердце, я чувствую, что он помнит об этом и шлет мне свои поздравления. И свою любовь. А я ведь не успела сказать ему, что тоже люблю его. Люблю так, как никогда никого не любила! – говорила Алтын, прижимая руки к груди. Сункар смотрел на неё грустными глазами и кивал головой, словно понимал каждое её слово.

Незаметно появилась Айнаш:

– Апке, пойдёмте, все ждут вас.

Потом они сидели за накрытым столом в гостинной, ели плов и праздновали двадцатипятилетие Алтын. Отец пел песни под домбру, и голос его звучал по-особому проникновенно. Рымкеш подпевала ему. Именинница сидела возле бабушки, а перед её затуманенным взором, как кадры фильма, проходили вереницей картинки: вот они с Алматом танцуют вальс, сидят в машине, целуются в ночном ущелье.

Когда на пороге комнаты появился Ержан, все повернулись к нему и сразу же перевели взгляд на Байназара. Он отложил домбру на диван, крикнул, прошелся пятерней по голове и сказал, виновато взглядывая на него:

– Где ты ходишь, сынок? Тут мы твоей сестре день рождения справляем. Подойди, поздравь её...

У двойняшек слипались глаза, но они не хотели покидать стол. Тогда Ержан сгреб их в охапку и потащил спать. Айнаш побрела следом. Алтын крепко обняла бабушку и положила голову ей на колени, Лятипа погладила её по голове. Свет скромной люстры под потолком отразился лучом на серебряном браслете.

Эпилог

Еламан терпеливо ухаживал за Алтын. Через два года на радость родителям девушка дала согласие ему. Они поженились, и у них родилась девочка.

Но спустя десять лет семью постигло горе: Еламан погиб в автомобильной катастрофе. Вскоре Алтын с дочерью переехала в Алматы и устроилась преподавателем в колледж. Она больше не вышла замуж, хотя Бану предлагала ей жениха с положением и ученой степенью. Дочь выросла и обзавелась семьей. В свободное время любимым занятием Алтын стало вбивать в поисковиках имя «Алмат». Находилось немало мужчин с таким именем, но ни один из них не походил на того усатого шофера, который всегда жил в её сердце.

Алмат получил всё же высшее образование, стал инженером-автодорожником и дослужился до директора большого автопарка. Вместе с сыном, который уже был женат, он построил добротный особняк в пригороде. Но не успели они прожить в том особняке и пяти лет, как Лисичка скоропостижно скончалась от инсульта. Отправив по ней годовые поминки, Алмат нашел Кайсара и узнал от него о судьбе Алтын, черноглазой учительницы из далекого села у самых гор, о которой никогда не забывал. Однажды Алмат появился перед ней с букетом роз. Несмотря на седину в усах, Алтын сразу узнала его. Они соединили наконец свои судьбы и танцевали вальс на собственной свадьбе.

Ержан выучился во Фрунзе на зоотехника и вернулся в родное село. Он женился на однокласснице, которая родила ему двух дочерей и сына. От его юношеской ленивости не осталось и следа. За хорошую работу Ержана назначили заведующим фермой. С годами у него появилась привычка в один из июльских дней приезжать к высокой горе, стреножив, оставлять лошадь у подножья и взбираться по крутому склону на самую вершину. Там он находил площадку под выступом скалы и ложился на покрытый мхом плоский камень. И долго лежал так, прикрыв веки, а перед глазами его стояла тоненькая девочка в голубых брючках-бананах и желтой футболке с пантерой в прыжке.

Салтанат бросила два института, побывала замужем, потом вдруг решила доучиться на факультете международных отношений и встретила там своего второго мужа. На этом покладистом дипломате она и остановилась. Единственная дочь их вышла замуж за француза и уехала в Ниццу. Муж позволял Салтанат жить так, как ей нравится. Она посещала всевозможные спа-салоны, занималась конным спортом, плаванием, рисовала акрилом космические пейзажи и учила скукающих дам этому ремеслу. Салтанат много путешествовала по всему миру. Но время от времени она уезжала одна на Иссык-Куль. Накупавшись вдоволь в его целебных водах, на обратном пути женщина останавливала машину неподалеку от канала, выходила из неё и долго смотрела на село, раскинувшееся по ту сторону речки. И видела двух подростков, которые лежали под одиноким карагачом. Нарушая гладкость ухоженного лица, на виске ее виднелся маленький шрам.

Старуха Лятипа дожила до девяноста лет и умерла в полной памяти и ясном уме. За день до смерти она созвала своих домочадцев, произнесла поблагодарившие наставления и раздала старинные украшения. Серебряный браслет получила Рымкеш, кольца достались Алтын и Айнаш. На похороны её собралось много народу, примчались из Алматы и Кайсар с Бану. Похоронили Лятипу на родовом кладбище, рядом с её стариком Смагулом.

